
КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2017 г.

Н.М. ДОБРЫНИН

**КОНСТИТУЦИОННАЯ ЮСТИЦИЯ КАК ГАРАНТ
ОЧЕВИДНОСТИ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
ГОСУДАРСТВА: РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ТЕМУ ПО
ПРОЧТЕНИИ МОНОГРАФИИ ПРОФЕССОРА В.Д. ЗОРЬКИНА
“КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИИ: ДОКТРИНА
И ПРАКТИКА”**

Добрынин Николай Михайлович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия) (E-mail: belyavskaya@partner72.ru).

Dobrynin Nikolay M. — Doctor of Law, Professor, honored lawyer of the Russian Federation, professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Institute of State and Law of Tyumen State University (Tyumen, Russia) (E-mail: belyavskaya@partner72.ru).

Аннотация: статья подготовлена в качестве отклика по прочтении вышедшей в свет в начале 2017 г. монографии Председателя Конституционного Суда РФ, проф. В.Д. Зорькина “Конституционный Суд России: доктрина и практика”. Всецело разделяя взгляды авторитетного коллеги, автор акцентирует внимание на ключевых вопросах правовой модернизации Российского государства и на том, как такой модернизации способствует деятельность Конституционного Суда страны. Отмечается значимость сохранения и укрепления нравственных оснований права в России, преодоления правового нигилизма, культивирования конституционно совместимого общественного правосознания, обеспечения государственного суверенитета России, а также стабильности Конституции страны и эволюционного обновления на ее основе ключевых общественных отношений.

Abstract: the article is prepared as the author's reflection on the newly presented monograph “The Constitutional Court: the doctrine and practice” by Prof. V.D. Zor'kin, Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation. Sharing the views expressed by the influential colleague, author highlights the basic issues of the legal development in today's Russia and that the Constitutional Court is doing to support the legal transformations. Author notes the importance of improvement of the moral basics of law in Russia, as well as the significance of overcoming of legal nihilism, cultivation of the constitutionally compliant legal consciousness in the society, ensuring of the state sovereignty of Russia and the stability of the Russian Constitution presupposing an evolutionary upgrade of the basic legal relations in accordance with the constitutional provisions.

Ключевые слова: Конституционный Суд России, конституционная юстиция, модернизация, правовое развитие, общественное правосознание, глобализация, нравственность, суверенитет, правоприменительная практика, интерпретация.

Key words: Constitutional Court of Russia, constitutional justice, modernization, legal development, mass legal consciousness, globalization, ethics, sovereignty, law-execution practice, interpretation.

Пролог

Исследование юридического уклада современной России, без сомнения, требует комплексного представления о самых разных областях общественно-политического устройства страны и правовых реалиях, в которых она развивается.

Конституция России, принятая почти четверть века назад, по многим позициям продолжает оставаться идеалом, достижение которого в нынешних условиях все чаще и чаще подвергается сомнению различными исследователями, а также политиками и представителями общественности.

Не случайно в этой связи то обстоятельство, что все мы сегодня стали свидетелями огромного числа исследований и публикаций самого различного толка, в которых подчеркнута отстаиваются ревизионистские взгляды, а читателям иногда вкрадчиво, а порой и весьма прямолинейно предъявляется, а скорее навязывается мысль о необходимости коренного изменения общественно-политического устройства России.

Чем чреват подобный “творческий” ревизионизм, наша страна, наше общество знают не понаслышке: Россия на протяжении всего периода ее, без преувеличения, многострадальной истории

вынесла достаточное количество “испытаний на прочность”, каких никто не пожелал бы даже своему врагу.

На наш взгляд, это обстоятельство должно являться ключевым фактором для отказа на современном этапе от любых попыток ревизионизма, фактором, истоки которого со всей очевидностью коренятся в памяти поколений.

Мы убеждены, сегодня у России в рамках конституционно заданной траектории правового развития может быть лишь *один верный и исторически оправданный путь: путь* постепенной, планомерной политико-правовой модернизации, *путь*, исключающий любые ревизионистские настроения и в то же время учитывающий потребности общества в обеспечении баланса конституционных ценностей в конкретно-исторических условиях.

Представляется посему архиполезной, чрезвычайно своевременной и глубокой по содержанию монография проф. В.Д. Зорькина “Конституционный Суд России: доктрина и практика”¹, вышедшая в свет в самом начале 2017 г.

В чем же заключается, в контексте того, о чем было сказано выше, главная ценность исследования нашего коллеги, предложенного на суд высказательной аудиторией?

Считаем, прежде всего в том, что проф. В.Д. Зорькин, успешно сочетающий на протяжении многих лет свою научную деятельность с весьма ответственной ролью руководителя Конституционного Суда РФ, предлагает заинтересованному читателю эксклюзивную в этом качестве работу, в которой из “*первых уст*” излагаются насущнейшие вопросы, касающиеся как ключевых доктринальных подходов, так и важнейших практических аспектов, определяющих статус “*главного*” Суда страны в конституционно установленной системе социально-юридических координат и его роль в политико-правовой модернизации современной России.

Вне всякого сомнения, в новой монографии проф. В.Д. Зорькина каждый, кто задумывается о судьбах страны, найдет для себя ответы на широчайший спектр непростых вопросов онтологического свойства.

В нашем же отклике по прочтении вышеназванной работы представляется весьма важным обратить внимание на несколько ключевых аспектов функционирования Конституционного Суда России, которые излагаются ниже, в том числе

с опорой на взгляды и суждения, сформулированные В.Д. Зорькиным в некоторых более ранних его трудах.

О значении правовых позиций Конституционного Суда России для преодоления деформаций и культивирования конституционно-совместимого правосознания общества

К глубокому сожалению, различные формы правового идеализма и правового нигилизма стали для современного российского общества привычными явлениями, довольно естественно проникнувшими в массовое сознание людей. Российское общество в результате сталкивается с двумя крайностями правовой культуры, двумя крайностями искажения массового правосознания: тотальной недооценкой права и, напротив, его переоценкой.

Как справедливо указывает проф. Н.И. Матузов, “эти явления, казалось бы, разновекторные и несовместимые, мирно уживаются и образуют вместе общую безрадостную картину юридического бескультурья”².

Уверены, что именно с этим связаны трудности, переживаемые нашим обществом. Стремление произвольно переиначить сложившуюся юридическую систему и манипулирование правом приводят к крупным катастрофическим последствиям: *с одной стороны*, они стали опасной хронической болезнью, поразившей все звенья и структуры государства, весь его организм; *с другой* — в то же время стали привычным образом жизни россиян, его негативной стороной.

Следовательно, проблематика правового идеализма и правового нигилизма, его факторов и путей преодоления не только по-прежнему актуальна, но и, возможно, актуальна как никогда прежде.

Профессор В.Д. Зорькин, раскрывая эту тематику в одной из своих последних работ, совершенно справедливо отмечает: “Главная наша задача — в условиях деформированного правосознания, когда зачастую власти делают вид, что исполняют законы, а народ делает вид, что их соблюдает, — заключается в том, чтобы трансформировать это правосознание и утвердить верховенство закона и реальный режим конституционной законности по всей стране — снизу доверху и на всей ее территории. Чтобы Россия наконец взяла правовой барьер. <...> В XXI в. Россия может и обязана

¹ Зорькин В.Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика. М.: Норма, 2017. 592 с.

² Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм // Общая теория государства и права. Академ. курс. В 2-х т. Т. 2. Теория права. М., 1998. С. 400 и след.

жить и развиваться на почве конституционализма, на основе принципа верховенства права. Иного не дано. Иное губительно”³.

В приведенном выше контексте со всей очевидностью утверждаем, что преодоление больших и малых деформаций массового правосознания, его культивирование в духе, условно говоря, конституционной совместимости сегодня есть не только и не столько сугубо юридическая, сколько вообще социокультурная и политическая максима, без достижения которой политико-правовая модернизация современной России находится под весьма серьезным сомнением.

Полагаем, не случайно автор, характеризуя в своей новой монографии развитие доктрины защиты прав человека в правовых позициях Конституционного Суда России, обращается к тематике преодоления негативных качеств правосознания и указывает следующее: “Особо следует отметить такое явление, как *конституционализация правосознания*, которая все в большей степени становится фактором эффективности защиты прав и свобод человека. Важным аспектом этой проблемы является уровень правосознания судейского корпуса и общественного правосознания в целом. Сейчас перед нашей страной стоят задачи конституционализации сознания не только рядовых граждан, но и юристов, должностных лиц государства и даже судей других судов, с которыми западноевропейские государства имели дело лет тридцать назад. Речь идет о необходимости формирования *конституционно ориентированного* (выделено мной. — Н.Д.) профессионального сознания юристов и общественного правосознания как необходимой базы укоренения конституционного правосудия и в целом превращения демократических правовых идей и ценностей в ориентир развития страны”⁴.

Почему это настолько важно — и для деятельности Конституционного Суда России, в частности, и для политико-правовой модернизации страны вообще?

Для того чтобы ответить на данный вопрос и поддержать мнение проф. В.Д. Зорькина, достаточно обратиться к классическим работам как российских, так и зарубежных философов права и государствоведов: *неразрушимая связь между уровнем общественного правосознания и качеством правовой жизни социума уже весьма давно убедительно доказана*.

Очень точно и емко, на наш взгляд, эта взаимосвязь показана в трудах крупного российского государствоведа И.А. Ильина, который придавал правосознанию особое значение и особую роль в качестве жизненной среды для государственно-правовых явлений.

Свое видение автор противопоставлял концепции о “*внешней*” природе права и государства, отмечая при этом: «...должна быть усмотрена и усвоена их “*внутренняя*”, душевно-духовная сущность. Право только “*проявляется*” во внешнем, пространственно-телесном мире; сферой же его настоящей жизни и действия остается человеческая душа, в которой оно выступает с силой объективной ценности. Государство в своем осуществлении “*предполагает*” наличность множества телесно разьединенных людей, теорий и внешних вещей; но именно человеческая душа остается той средой, в которой зарождается, зреет, протекает — и государственная жизнь индивидуума, и жизнь государства как единого целого. <...> Усмотреть наличность, достоинство и компетентность нормального правосознания — значит найти путь для разрешения всех основных жизненных затруднений, вытекающих из природы права и создающих немало теоретических споров и даже “*антиномий*” в юридической науке»⁵.

Согласно воззрениям И.А. Ильина, право “*живет правосознанием и исполняет свое значение тем лучше, чем правосознание зреее и совершеннее*”⁶.

Особо отметим, что в своих рассуждениях о нравственных основаниях государственно-правовой жизни И.А. Ильин проявлял удивительную прозорливость. По его убеждению, право, не имея прочной основы в морально-нравственной сфере, духовной жизни людей, обречено потерпеть крах, а общество — привести к потрясениям.

Согласимся, насколько по сей день данное утверждение актуально и являет собой аксиому общественного развития любого государства.

Среди современных ученых осознание данного обстоятельства становится все более отчетливым.

Профессор Г.В. Мальцев, к примеру, в одной из своих последних работ с полным основанием, как представляется, отмечал, что «правовые элементы гораздо лучше, чем моральные, работают в механизмах социального контроля, также как и “*калькулирования*” жизненных успехов. Моральные обязательства считаются сегодня менее

³ Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России. М., 2015. С. 102.

⁴ Зорькин В.Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика. С. 63.

⁵ Ильин И.А. О сущности правосознания / Подготовка текста и вступит. ст. И.Н. Смирнова. М., 1993. С. 211, 229.

⁶ Там же. С. 229.

надежными, чем юридические обязанности, необходимость исполнения которых гарантируется правом, законом и судом...», однако истинные «цели социального регулирования могут быть достигнуты лишь при скоординированном развитии систем моральных и правовых норм в едином направлении, которое определяется ценностями общества. <...> Без морально-ценностной поддержки либо объективно действующий против морали закон ничего не исправляет, либо сам становится деструктивным фактором в обществе»⁷.

Профессор В.Д. Зорькин (и мы солидарны с автором) приходит к совершенно обоснованному и закономерному выводу: «Соблюдение фундаментальных прав и свобод едва ли не в большей степени зависит от уровня правосознания народа, от укоренившихся традиций, образования и воспитания людей, нежели лишь от наличия конституций, международных правовых актов и организаций, национальной системы органов политической власти и институтов гражданского общества. Даже при наличии всех этих необходимых инструментов уровень правового развития общества определяется в первую очередь уровнем правосознания законодателей и правоприменителей, их профессионализмом и чувством ответственности, а также правосознанием рядовых граждан и их желанием и способностью жить по Конституции, соблюдая ее и отстаивая свои права»⁸.

Полагаем, видный ученый резонно обращается к проблеме эффективности правоприменения, убедительно показывает взаимосвязь между уровнем общественного и профессионального правосознания и качеством правоприменительной деятельности.

Профессор В.Д. Зорькин, в частности, особо отмечает: «Сердцевиной правоприменения является *судебное правоприменение*. Ясно, что социальная опасность и негативные последствия ошибок в судебном применении имеют самый высокий рейтинг в сравнении с другими видами правоприменения. <...> Многие истоки ошибок правоприменения следует искать в субъективной сфере: в изъянах правового и нравственного сознания правоприменителей, а также в недостаточном уровне их профессиональной подготовки. Но немалую роль играют и *объективные факторы*»⁹; при этом в ряду таких объективных факторов,

создающих серьезные предпосылки для ошибок правоприменения, он называет прежде всего отсутствие устоявшейся, *единой концепции правопонимания* (что вновь возвращает нас к вопросу о качестве и содержании общественного и профессионального правосознания в стране); ученый справедливо отмечает, что в каждой конкретной ситуации ответить на вопрос о том, каким должно быть правовое решение, возможно, лишь «имея представление о том, что есть право»¹⁰.

Автор монографии подкрепляет свою мысль посредством обращения к практике Конституционного Суда РФ и убедительно излагает мнение: «Сказанное особенно относится к Конституционному Суду, который, проверяя конституционность нормативных актов и договоров, разрешая споры о компетенции или осуществляя толкование норм Конституции по запросам органов государственной власти, каждый раз сталкивается, как минимум, с двумя разными трактовками права и должен, по сути дела, принять решение о том, что, согласно Конституции, есть право в данном конкретном случае. <...> И хотя Конституционный Суд в своих решениях не может не учитывать исторически меняющийся социальный контекст действия права (именно с этим обстоятельством я связываю понятие «живая Конституция»), тем не менее в основе его решений должно быть каждый раз одно и то же представление о том, что есть право вообще, т.е. представление о сущности права, основанное на определенной *концепции правопонимания*. В противном случае в деятельности суда будет нарушен принцип правовой определенности, соблюдение которого является условием обеспечения фундаментального правового принципа формального равенства. <...> Задачи суда были бы существенно облегчены, если бы он мог опираться на общепризнанную в теории и практике правовую доктрину правопонимания»¹¹.

По нашему глубокому убеждению, — и в этом солидарны с проф. В.Д. Зорькиным, — **право прежде всего есть справедливость, вне зависимости от того, имеет она какое-либо внешнее нормативное выражение в писаном праве или же имплицитно присуща положениям закона.**

Мы не усматриваем здесь насущной необходимости в детальном обсуждении указанной идеологии, ибо категория справедливости и сама по себе, и в ее аксиологическом соотношении с феноменом права уже не раз становилась предметом

⁷ Мальцев Г.В. Нравственные основания права. Изд. 2-е. М., 2009. С. 88, 89.

⁸ Зорькин В.Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика. С. 63.

⁹ Там же. С. 100.

¹⁰ Там же. С. 101.

¹¹ Там же.

обстоятельных как сугубо юридических, так и междисциплинарных дискуссий.

Думается, с нами согласятся, что *категория справедливости* относится к числу наиболее сложных с точки зрения вербального выражения ее смысла, семантики — слишком много она включает в себе измерений эмоционального и иррационального свойства; к тому же категория справедливости в ее наиболее обобщенном виде — как социальная справедливость — является исторически динамичной, *a priori* изменчивой по своему содержанию; важно в данном контексте другое: то, что *справедливость как сущностное выражение права и всего правового неизбежно обращает нас к проблематике нравственного воспитания людей и, как следствие, правосознания.*

Считаем, крайне важно в первую очередь, устанавливая роль Конституционного Суда России в преодолении правового нигилизма и формировании конституционно-совместимого правосознания, обращаться к таким решениям и правовым позициям, которые наиболее выражено опираются на имплицитно присущие конституционным положениям идеи справедливости.

Подчеркиваем, что эта мысль весьма отчетливо проводится проф. В.Д. Зорькиным на протяжении всего его исследования, раскрывающего доктринальные и практические аспекты деятельности Конституционного Суда РФ.

Так, автор приводит пример рассмотрения жалобы ООО “Тополь” из Ивановской области, по результатам рассмотрения которой было принято Постановление от 5 марта 2013 г. № 5-П¹². Ключевым моментом при рассмотрении данной жалобы стало то обстоятельство, что каким-либо нормативно-правовым актом субъект внесения в бюджет платы за негативное воздействие на окружающую среду в связи с обращением с твердыми бытовыми отходами не был однозначно определен: возникла неясность, должна ли такая плата вноситься “первичным загрязнителем” или же специализированной организацией, которая осуществляет вывоз отходов на основании гражданско-правового договора. В результате этой неопределенности обязанность по внесению такой платы была возложена

на заявителя жалобы — ООО “Тополь” — с применением повышающего штрафного коэффициента, что повлекло многократное увеличение задолженности предприятия перед бюджетом и поставило его на грань банкротства.

Как отмечает проф. В.Д. Зорькин, «Конституционный Суд в постановлении № 5-П установил, что вопрос о субъекте платы за негативное воздействие на окружающую среду должен быть решен путем нормативно-правового регулирования..., с точки зрения дальнейшей перспективы представляется неоднозначной практика установления обязанности по уплате публичного платежа положениями гражданско-правового договора, а не нормами закона. Использование гражданско-правовых механизмов не согласуется с возможностью применения мер государственного принуждения в условиях, когда данный платеж представляет собой не что иное, как принудительное изъятие части имущества, принадлежащего хозяйствующим субъектам на праве собственности. <...> Важно отметить, что Конституционный Суд допустил оговорку о договорном регулировании вопросов взимания публичного платежа в условиях фактически сложившихся обстоятельств, когда предстояло принять меры по восстановлению прав заявителя по делу (ООО “Тополь”). Такое допущение Конституционный Суд сделал как временное “зло”, чтобы предпочесть его худшему — правовой неопределенности в том, кому и сколько положено было платить в бюджет в 2009 г. в рамках уже состоявшихся спорных правоотношений — фискально-экологических и экономических, связанных с размещением твердых бытовых отходов. Только в этом смысле в рамках сложившейся и ограниченной пределами одного года правовой ситуации “договорные средства” можно считать вынужденными, поскольку отказ от них мог бы сделать невозможными защиту и восстановление нарушенных конституционных прав заявителя в Конституционном Суде»¹³.

Мы убеждены, что лишь очень немногие (если вообще кто-либо) смогли бы аргументированно оспаривать рациональность приведенной выше позиции Конституционного Суда РФ, поскольку, как видно, она весьма отчетливо, рельефно выражает смысл права, если трактовать его как выражение имплицитно присущих Конституции России идей справедливости.

Следует подчеркнуть, вновь возвращаясь в данном контексте к тематике правосознания, правопонимания, преодоления правового нигилизма,

¹² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 5 марта 2013 г. № 5-П по делу о проверке конституционности ст. 16 Федерального закона “Об охране окружающей среды” и постановления Правительства РФ “Об утверждении Порядка определения платы и ее предельных размеров за загрязнение окружающей природной среды, размещение отходов, другие виды вредного воздействия” в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью “Тополь” // Собрание законодательства РФ. 2013. № 11. Ст. 1164.

¹³ Зорькин В.Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика. С. 285.

чрезвычайно важную, витальную роль Конституционного Суда России в преодолении имеющихся в этой области проблем — они крайне сложные и требуют постоянной кропотливой работы и Суда в целом, и каждого из судей Конституционного Суда РФ, и его Секретариата, поскольку только таким путем могут быть обеспечены реальные позитивные сдвиги на пути формирования конституционно-совместимого правосознания людей, а значит, и поддержания оптимальной среды для развития российского права и очевидности политико-правовой модернизации страны.

Таким образом, на наш взгляд, нет оснований не согласиться с мнением автора: “Положение России как страны, расположенной в европейском и азиатском регионах, с многонациональным населением, переплетением культур и т.д., безусловно, осложняет трансформацию общественного сознания, у которого еще не сложилась ориентация на единые ценности в связи с различием культур, религий и традиций. В этих условиях процессы формирования идейно-политической общности российского народа, всеобщим источником которого является Конституция, упрочения демократического, правового государства и верховенства права идут долго и мучительно. *Деятельность Конституционного Суда при таких обстоятельствах — это труд садовника, возвращающего конституционные принципы на конкретной национальной почве* (выделено мной. — Н.Д.)”¹⁴.

Деятельность Конституционного Суда РФ как фактор обеспечения незыблемости государственного суверенитета России

В качестве важнейшего аспекта деятельности Конституционного Суда России проф. В.Д. Зорькин отмечает необходимость обеспечения незыблемости, “неприкосновенности” государственно-го суверенитета страны.

Подтверждение тому — и то обстоятельство, что ученым на протяжении всей работы уделяется самое пристальное внимание вопросам имплементации международных норм в существующем российском правопорядке, и тот факт, что в ней глубоко анализируются вопросы соотношения правовых позиций Конституционного Суда РФ и интерпретационных решений наднациональных юрисдикционных органов.

Кроме того, исследователь в монографии аргументированно отстаивает свою позицию о том, что присоединение России к тем или иным

международным организациям, а также договорам и соглашениям означает вовсе не делегирование части своего суверенитета в пользу соответствующих наднациональных институтов, а объединение суверенитетов стран-участниц таких организаций, договоров и соглашений.

По нашему убеждению, такой подход (и не только в сегодняшней непростой международной обстановке) есть, по сути, единственно возможный с точки зрения сохранения самоидентичности национальных государств, и потому мы не видим каких-либо малейших поводов с этим подходом не согласиться.

В одной из своих недавних работ В.Д. Зорькин совершенно точным образом характеризует современную ситуацию, в которой находится сегодняшняя Россия, когда указывает, что “встающие перед нами вызовы, как и в эпоху предыдущей холодной войны, являются системными — политическими, информационно-пропагандистскими, экономическими и даже, не исключено, военно-стратегическими. Несомненно и то, что нынешняя Россия по демографическому, экономическому, оборонно-мобилизационному потенциалу и кругу союзников гораздо слабее, чем в предыдущую эпоху противостояния советского и западного блоков. Несомненно и то, что эти вызовы нарастают в условиях продолжающегося и глубоко затронувшего Россию глобального системного — не только экономического — кризиса. <...> В сфере нашей профессиональной компетенции и ответственности находится такой аспект этого кризиса, как размывание и ослабление эффективности правовых регуляторов. Это проявляется как в самых разных сферах социальной жизни (социокультурной, экономической, политической и т.д.), так и на разных уровнях регулирования (национальном, международном, глобальном)... Причем... этот кризис особенно глубоко затронул Россию в силу беспрецедентных в мировой истории масштабов и темпов ее постсоветской политической, экономической и социальной трансформации. *Мы находимся не просто в ситуации глобальной исторической турбулентности, а в самом ее эпицентре* (выделено мной. — Н.Д.)”¹⁵.

Отмеченные нами в приведенном суждении обстоятельства и факторы являются ярчайшим объяснением того, почему сегодня в России любой мало-мальски думающий человек все чаще размышляет (не может не размышлять!) о судьбах своей страны как с точки зрения процессов, происходящих внутри нее, так и в контексте глобальных

¹⁴ Там же. С. 63.

¹⁵ Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России. С. 6.

тенденций, отчетливо обнаживших свое недружественное отношение к России в последнее время.

И здесь на повестке в первую очередь находится вопрос о государственном суверенитете и необходимости его сохранения, обеспечения его незыблемости.

Профессор В.Д. Зорькин в одной из своих работ именно поэтому отмечает, что «в мире, вступившем в эпоху глобализации, стало объективно трансформироваться и размываться понятие национально-государственного суверенитета. Даже такой патриарх мировой дипломатии и сторонник баланса силы суверенных национальных держав, как Генри Киссинджер, несколько лет назад вынужден был констатировать, что “идет замена международной системы, появившейся в результате Вестфальского мира, на новую, созревающую систему”»¹⁶.

Хорошо это или плохо — однозначно сказать невозможно; так же как невозможно предугадать и то, приведут ли процессы глобализации в конечном счете к установлению такого миропорядка, при котором необходимость сохранения принципов Вестфальского мира естественным путем *“канет в Лету”*.

Пока что мы имеем возможность наблюдать, как в международной практике повсеместно *“сильный”* принуждает *“слабого”* к проведению нужной (согласованной с *“сильным”*) политической линии, а в среде государств-членов таких конфедеративных образований, каковым является сейчас Европейский Союз, то и дело звучат сравнения этого объединения с Советским Союзом, в котором формально суверенные и полноправные союзные республики фактически были лишены *“права на самостоятельную политику”*.

На наш взгляд, очевидным и вполне объяснимым на фоне ускоренных процессов глобализации, исходя из современного понимания демократических ценностей и свободы личности, становится усиление межкультурной коммуникации разных наций, причем на уровнях, часто не достигаемых для правового нормирования и официального (открыто декларируемого) государственно-властного воздействия.

Мы не сомневаемся, что главный фактор, способствующий интенсификации и расширению горизонта межкультурных взаимодействий, — бурное развитие в современном мире информационно-коммуникативных технологий и сервисов; существенный рост доступности этих технологий

и сервисов для населения большинства развитых и динамично развивающихся стран за счет их беспрецедентного удешевления и, как следствие, фактическое устранение барьеров в виде государственных границ для обмена не только экономическими ценностями, но и прежде всего информацией, а также политическими и идеологическими технологиями.

Совершенно очевидно, что в таких реалиях перед каждым государством мира, в том числе и перед Россией, стоит задача обеспечения незыблемости своего государственного суверенитета и национальных интересов, выступающих главным условием сохранения этнокультурной аутоидентичности народов соответствующих стран.

Укажем, что в одной из своих более ранних работ проф. В.Д. Зорькин справедливо отмечает: «Существующую международную систему атакуют, ссылаясь прежде всего на неспособность национальных государств гарантировать права человека и обеспечить эффективное управление в условиях глобализации. <...> Жизнь, однако, показывает, что отказ от суверенитета одних — на практике лишь укрепляет суверенитет других, присваивающих себе право действовать во имя “всеобщих” интересов»¹⁷.

Таким образом, становится очевидным, что происходящие в планетарном масштабе процессы так или иначе воздействуют на все или почти все стороны общественной жизни людей, ассоциирующих себя с определенными национальными (суверенными) государствами.

Российская Федерация, будучи интегрирована в качестве полноправного члена в мировое содружество наций (суверенных государств), не находится в стороне от указанных преобразований и не имеет возможности их избежать; впрочем, политика дистанцирования, самоизоляции страны от происходящих в мире изменений способна была бы завести Россию на тупиковый путь развития, угрожала бы накоплением отсталости во всех сферах общественной жизни вместо преодоления таковой.

Уверены, что в этой ситуации вопросы сохранения и укрепления государственного суверенитета Российской Федерации, которая, в отличие от многих малых и молодых государств, не вправе позволить себе, в том числе и в контексте своей исторической миссии, поступиться хотя бы толикой своей самостоятельности и самобытности,

¹⁶ Там же. С. 268, 269.

¹⁷ Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. М., 2011. С. 663.

занимают сегодня архинаиважнейшее место в повестке политического руководства страны, а главное — должны непременно решаться сквозь призму соблюдения национальных интересов России не только в процессе межгосударственного общения, но и посредством их реализации в практике внутригосударственного регулирования различных сфер жизни общества.

Полагаем, не случайно, завершая свое выступление на “Валдайском форуме”, состоявшемся в октябре 2014 г., Президент РФ В.В. Путин подчеркнул значимость сохранения и укрепления именно сложившихся и конституционно закрепленных приоритетов развития страны: “Россия свой выбор сделала, наши приоритеты — дальнейшее совершенствование институтов демократии и открытой экономики, ускоренное внутреннее развитие с учётом всех позитивных современных тенденций в мире и консолидация общества на основе традиционных ценностей и патриотизма. У нас интеграционная, позитивная, мирная повестка дня... Эта повестка направлена на развитие связей между государствами, а не на разъединение. Мы не собираемся сколачивать какие-либо блоки, втягиваться в обмен ударами. <...> Россия не требует себе какого-либо особого, исключительного места в мире... Уважая интересы других, мы просто хотим, чтобы и наши интересы учитывали, и нашу позицию уважали”¹⁸.

Приведенная выше цитата явствует: сказанное президентом означает не только необходимость соблюдения и реализации национальных интересов России, а подразумевает в том числе и прежде всего дальнейшее укрепление интегративной роли конституционного права как ключевой, системообразующей отрасли российского права и вообще российской правовой традиции; но, давайте согласимся, одновременно это и признание того, что Россия, ее правовая система в целом и лежащая в ее основании отрасль конституционного права в своем дальнейшем развитии, безусловно, ориентированы как на поддержание и укрепление общепризнанных принципов и норм международного права, сложившихся к настоящему времени, так и на имплементацию новых механизмов и подходов паритетной и сбалансированной

международно-правовой координации национальных интересов всех суверенных государств.

Особую роль в этом процессе, вне всякого сомнения, выполняет Конституционный Суд России, будучи единственным непосредственно предусмотренным Конституцией РФ органом конституционного контроля, наделенным исключительным правом толкования ее положений с учетом конкретно-исторического контекста.

Признаемся, особую остроту тематика обеспечения государственного суверенитета страны приобрела на фоне событий, связанных с воссоединением Крыма с Россией.

Профессор В.Д. Зорькин не случайно в обсуждаемой здесь работе уделяет серьезное внимание подробнейшему анализу фактологических и формально-юридических оснований принятия Конституционным Судом России соответствующего постановления в марте 2014 г.¹⁹

В заключение он резонно отмечает, что «сейчас мы видим со стороны Запада и его российских поклонников невиданные по размаху информационные фальсификации событий на Украине и их контекста. Мы видим, что официальные западные правовые интерпретации этих событий настойчиво и однозначно объявляют “кругом виноватой” Россию. Мы слышим, как крупные западные политики открыто заявляют, что России объявлена новая “холодная война”, цель которой — “майдан” в Москве и смена российской власти. Мы видим и читаем, как российские поклонники таких официальных западных интерпретаций, — кто осторожно “покусывая по мелочам”, кто открыто и развернуто, — со всем этим солидаризуются. <...> Для меня это означает, что сейчас Россия переживает очередное нашествие западных (и внутренних прозападных) “цивилизованных варваров”. Нашествие — пока — происходит в формах и механизмах постмодернистских информационных фальсификаций, неприкрыто наглых интерпретаций права и экономических санкций. Однако это нашествие по масштабу и намерениям вполне соразмерно варварским нашествиям тевтонских рыцарей или армий Наполеона. <...> Нашествие “новых варваров” — объявлено. Наша задача, даже в этих условиях, изо всех сил защищать ПРАВО»²⁰.

Мы солидарны с мнением ученого. При этом заметим, что последовательность юридически значимых с точки зрения международного права шагов, предпринятых руководством и населением бывшей

¹⁸ Стенограмма выступления Президента Российской Федерации В.В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба “Валдай” по теме “Мировой порядок: новые правила или игра без правил?” (Россия, г. Сочи, 24 октября 2014 г.) // Официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/46860>

¹⁹ Подробнее см.: Зорькин В.Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика. С. 287–309.

²⁰ Там же. С. 309.

украинской Автономной Республики Крым по проведению общенародного референдума, по существу, означала провозглашение независимости Республики Крым, установление ее самостоятельной государственности. Дальнейшее вхождение Республики Крым и города Севастополя на правах субъектов в состав Российской Федерации связано (опять же) с фактом международного признания Россией независимости, т.е. государственного суверенитета Республики Крым.

Какие бы ни предпринимались в настоящее время попытки в западной прессе и на высшем политическом уровне ряда государств преподнести обществу свершившиеся факты как аннексию Российской Федерацией части иностранного государства — Украины, — история межгосударственных отношений имеет ряд аналогичных прецедентов, когда государственный суверенитет и независимость части территории определенного государства провозглашались на этой части территории в одностороннем порядке: автономный край Косово и Метохия в составе Сербии, республики Абхазия и Южная Осетия, Приднестровье и некоторые другие.

В случае с Косово, независимость которого от Сербии была провозглашена в одностороннем порядке не путем проведения общенародного референдума, а решением парламента Косово (легитимность его формирования, кстати, по-прежнему вызывает вопросы), Международный суд ООН 22 июля 2010 г. признал законность действий властей Косово по провозглашению независимости от Сербии, объявил, что свершившийся юридический факт не противоречит нормам международного права²¹.

Принятию Международным судом ООН данного решения предшествовала череда признаний государствами — членами ООН международной правосубъектности Косово как самостоятельного государства, которая продолжилась и в дальнейшем; к настоящему времени независимость Косово в качестве самостоятельного государства признана 113 странами — членами ООН²², что составляет большинство участников этой ведущей всемирной международной организации.

У нас возникает закономерный вопрос: почему при всей аналогичности ситуаций

с провозглашением независимости ряда территорий (Абхазии, Южной Осетии, Приднестровья, а теперь еще Донецкой и Луганской народных республик на Украине) никто не торопится с признанием их международной правосубъектности в качестве государств, а ситуация с Республикой Крым вообще преподносится как аннексия или, ни много, ни мало, российская оккупация?²³

С одной стороны, Косово, сомнительная независимость которого с такой прытью была признана очень многими государствами, и где, как всем известно, по-прежнему сохраняется во многом непростая ситуация, готовая вылиться в новые этнические противостояния и партизанскую войну, *с другой* — Республика Крым, якобы “незаконно аннексированная” (или “оккупированная”?) Россией, и где нет народных протестов, нет партизанской войны или иной вооруженной борьбы с “агрессором”, но работают люди, налажена деятельность предприятий, учреждений здравоохранения, образования и культуры, функционируют в штатном режиме все основные институты власти.

Подобное, как представляется, есть яркий пример двойных стандартов сегодняшнего мирового порядка.

Думается, что это как раз тот случай, когда международное право, его сугубо юридическая рациональность и верховенство оказываются в очередной раз подавляемы и растоптаны внешней политикой ряда государств, отстаивающих идею однополярного мира и чьим интересам не отвечает подобное развитие событий. Однако, как известно, подмена права политической целесообразностью недопустима.

К тому же, если говорить о Республике Крым, то следует всем напомнить, что до 26 апреля 1954 г. Крым являлся исконной исторической территорией России, а его передача в состав существовавшей тогда Украинской ССР по решению руководства Советского Союза была осуществлена с юридическим нарушением норм Договора об образовании Союза ССР 1922 г., который помимо прочего закреплял право республик на свободный выход из состава СССР (чем предполагался договорный характер советской федерации) и потому подразумевал такой же договорный принцип решения территориальных вопросов между советскими республиками, входившими в СССР; юридическое же оформление передачи Севастополя

²¹ Подробнее см., например: Международный суд ООН признал независимость Косово // Официальный сайт “Коммерсант.ru”. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kommersant.ru/doc/1473715>

²² Данные приводятся по состоянию на 25 мая 2017 г. на основе сведений официального сайта Министерства иностранных дел Республики Косово. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mfa-ks.net/?page=2,224>

²³ См., например: Закон Украины “Об обеспечении прав и свобод граждан и правовом режиме на временно оккупированной территории Украины”, принятый Верховной Радой Украины 15 апреля 2014 г.

в состав Украинской ССР вообще не было осуществлено, несмотря на то что согласно Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 октября 1948 г. город Севастополь был выделен в самостоятельный административно-хозяйственный центр со статусом города республиканского подчинения (т.е. со статусом города федерального значения, если употреблять современную терминологию) в составе РСФСР.

Давайте согласимся, всё это лишь в очередной раз доказывает, что **право как важнейший регулятор общественных отношений не может всякий раз приноситься в жертву под предложениями политической, хозяйственной, административной или любой другой целесообразности: пренебрежение верховенством, избыблемостью авторитета права, являющегося мерилом и одновременно выражением общественных представлений о гражданском мире и согласии, социальной справедливости, нравственном и безнравственном, способно стать причиной настоящих трагедий в тысячах и миллионах человеческих судеб.**

Конституционный Суд России как источник стабильности конституционного правопорядка и основ конституционного строя страны

Спектр проблем политико-правовой модернизации России по вполне понятным причинам не исчерпывается лишь вопросами о воспитании конституционно совместимого общественного правосознания, а равно об устойчивости ее государственного суверенитета — здесь с учетом характера настоящей работы мы можем говорить лишь о некоторых из ключевых аспектов такой модернизации, которые представляются нам приоритетными, и, конечно же, о роли Конституционного Суда РФ в решении соответствующих проблем.

По нашему убеждению, не меньшей значимостью наряду с уже рассмотренными выше обладают и вопросы о стабильности конституционного правопорядка, а также допустимых границах его динамической изменчивости и, как следствие, об устойчивости основ конституционного строя страны.

С нашей точки зрения, такая стабильность (но не “зацементированность”) сегодня выступает одним из важнейших условий, определяющих способность России взять, обращаясь к метафоричному термину проф. В.Д. Зорькина, *правовой барьер*.

Казалось бы, многое в круге задач политико-правовой модернизации России ясно: есть Конституция страны — она и является отправным моментом и фундаментом всего правового порядка современной России.

Но это — лишь первый взгляд: российская Конституция, каким и должно быть Основному Закону государства, является документом всеобъемлющим, стержневым для всей системы российского права, но потому и не предполагающим детального регулирования каждой из затрагиваемых ею сфер общественной жизни.

В этом неявном “противоречии” конституционных ценностей с наличной правовой реальностью и кроется причина столь частых призывов переписать Конституцию России, начать всё с “чистого листа”, реализовать идею *tabula rasa*.

Те, кто опрометчиво вносит подобные предложения, руководствуются тем, что онтологическая дистанция между “записанным” в Конституции страны и правовой реальностью говорит о том, что именно Конституция России “из рук вон” плоха.

Мы, вновь обращаясь к суждениям проф. В.Д. Зорькина, сформулированным в одной из его предыдущих работ, утвердились в понимании того, насколько он прав, когда говорит, что “не научившись жить по плохой Конституции, нельзя научиться жить по Конституции вообще (курсив наш. — Н.Д.)”²⁴.

Вряд ли кто-либо сомневается, что правовая реальность в ее многочисленных деталях, хорошем и плохом, достоинствах и изъянах создается не только Конституцией страны, но и законами, подзаконными нормативными актами. Зададимся закономерным вопросом: насколько все наши современные законы и подзаконные акты хороши?; насколько они проникнуты идеями приверженности конституционным ценностям?; сколько из них вообще могут считаться правовыми?

Профессор В.Д. Зорькин, как бы отвечая на сформулированные нами непростые вопросы и высказывая разгромную критику в адрес апологетов *tabula rasa*, еще прежде весьма точно отмечал: “Рано или поздно нам придется восстанавливать право. Причем именно на общечеловеческом уровне. И вот когда мы вернемся к построению права как одной из основ подлинно человеческого бытия, мы обязательно должны будем задаться вопросом, а не находится ли в основе основ нынешнего бесправия принцип табула раса, не лежит ли в его основе какая-то ужасная теоретическая ошибка, породившая перерождение современной западной цивилизации? Или по крайней мере поспособствовавшая этому перерождению?”²⁵.

²⁴ Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России. С. 55.

²⁵ Там же. С. 188.

Действительно, сегодня, будучи проникнуты идеей прагматизма права, мы настолько отделились от его истоков, от его философии, что почти позабыли о том, что нет ничего практичнее хорошей теории; гораздо проще сказать, что Конституция плоха, при этом совершенно не задумываясь о том, что Основной Закон страны всё дальше и дальше от заложенных в нем идеалов, возможно, именно потому, что у нас, признаемся, безобразное качество законов и подзаконных актов, и потому, что они не подкреплены в достаточной степени стройной, внутренне непротиворечивой и, если уместно так выразиться, изящной юридической теорией; особо подчеркнем, прежде всего конституционно-правовой теорией, теорией современного российского конституционализма.

Отмеченное нами выше очень ярко и отчетливо подтверждается, если обратимся к анализу деятельности Конституционного Суда России, следуя за авторской логикой изложения материала в обсуждаемой здесь новой работе проф. В.Д. Зорькина: на протяжении всей книги он проводит и аргументированно отстаивает с опорой на конкретные правовые позиции Конституционного Суда тезис о том, что обеспечение стабильности Конституции выступает одной из важнейших ценностей современного этапа правового развития нашей страны, а столь необходимые в конкретном историческом периоде отдельные уточнения некоторых ее положений вполне уместно могут быть обеспечены посредством разумных интерпретаций.

Думается, с нами согласятся, что это весьма важно, в том числе, *во-первых*, и для поддержания авторитета законодателя, *во-вторых*, и в целях обеспечения стабильности правового регулирования в целом, *в-третьих*, и в рамках укрепления доверия граждан к Закону и органам Власти.

Автор монографии, обстоятельно анализируя роль Конституционного Суда России в обеспечении конституционно закрепленного принципа разделения властей, совершенно обоснованно, как представляется, отмечает: “Для предотвращения конфликтов, возникающих в поле разделения властей, в особенности в обществах, где отсутствуют прочные традиции конституционализма, необходимы **стабильность Конституции и адекватная конкретизация в ней и в основанных на ней законах принципа разделения властей** (выделено мной. — Н.Д.). Речь идет о закреплении статуса и полномочий органов законодательной, исполнительной и судебной власти, формы и процедуры их взаимодействия и взаимоконтроля, системы сдержек и противовесов,

а также мер конституционной ответственности (курсив мой. — Н.Д.)”²⁶.

Ученый, на наш взгляд, совершенно справедливо в своих суждениях приходит к выводу: “Не исключая возможность точечных правовых корректировок заложенной в Конституцию модели сдержек и противовесов во взаимоотношениях между различными ветвями власти, хотел бы *предостеречь от разного рода попыток проведения масштабной конституционной реформы* под предлогом установления более сбалансированной системы разделения властей. Уверен, что любое существенное изменение Конституции в этом моменте может породить новые дисбалансы. Нет смысла их приумножать. **А имеющиеся проблемы надо разрешать главным образом через интерпретацию и толкование Конституции. Не следует недооценивать роль доктрины и судебной практики** (выделено мной. — Н.Д.) (и прежде всего практики конституционного правосудия) в деле реализации принципа разделения властей (курсив мой. — Н.Д.)”²⁷.

По нашему глубокому убеждению, устойчивость и стабильность Конституции, на которой зиждется не только правовая система страны, но и существующие в ней общественные и государственные институты, есть залог также и их стабильности, важный фактор социального единства и в целом поступательного и динамичного развития государства.

Полагаем весьма уместным обратиться к еще одному очень значимому высказыванию проф. В.Д. Зорькина: “Устойчивый Основной Закон страны, к которому постоянно адресуются не только правоведы, но и политики, и рядовые граждане, постепенно становится одним из ключевых символов правовой идентичности нации. <...> Именно по этой причине нации идут на кардинальный пересмотр конституции лишь в том случае, когда новая социальная ситуация жестко диктует необходимость такого пересмотра. А во всех других случаях обходятся локальными минимальными поправками либо просто уточняют применительно к меняющимся условиям трактовку базовых конституционных положений. <...> Конституция содержит в своем тексте вполне значимый потенциал правовых преобразований. Она одновременно позволяет и в определенных пределах уточнять условия социального компромисса, и реализовывать такие правовые изменения, которые подтягивают наше общество и государство к уровню высших

²⁶ Зорькин В.Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика. С. 324.

²⁷ Там же.

мировых достижений в сфере политико-правового развития. <...> Поэтому полноценная реализация правового потенциала Конституции во многом зависит от того, насколько верно будет определен баланс между стабилизационной и обновленческой функциями Конституции. В конечном счете это вопрос о разумных и эффективных пределах, формах и способах адаптации высоких образцов современного конституционализма к очень сложным реалиям нашей российской жизни”²⁸.

Вместо эпилога

Автор “крупными мазками” обозначил в своих размышлениях в основном весь онтологический масштаб и всю глубину исторического контекста столь неотложной и (подчеркнем) неизбежной для современной России политико-правовой модернизации, при этом всецело признает полное совпадение своих взглядов с основополагающими, базовыми суждениями проф. В.Д. Зорькина.

Действительно, вряд ли кто-либо из нас, думающих о достойной судьбе России, станет отрицать судьбоносный, ключевой вывод проф. В.Д. Зорькина: **“Без правовой модернизации у России нет будущего** (выделено мной. — Н.Д.)”²⁹ И абсолютная

правда, что **“дело модерна — это великое дело, требующее и исторической воли, и исторического терпения, и исторического разума, наконец. Наш идеал — соединение власти и свободы на основе права как единственного мерила свободы. Идти к этому идеалу можно, только сочетая либеральные меры и сильную власть** (выделено мной. — Н.Д.)”³⁰.

Мы без преувеличения и пафосной патетики твердо убеждены, — даже на фоне разноголосья критики, то и дело раздающейся в адрес “главного” Суда страны, — что в России есть полноценный, самостоятельный, независимый и высокопрофессиональный Конституционный Суд, что он состоялся, несмотря на многочисленные перипетии и трудности его становления, что его правовые позиции и деятельность в целом смогли стать, метафорично выражаясь, путеводной звездой уже для целого поколения юристов в нашей стране и вообще для целого поколения российских граждан.

Давайте признаемся, конечно, это совсем немного по историческим меркам, но колоссально много для тысяч и миллионов людей, сумевших за четверть века благодаря прежде всего деятельности Конституционного Суда России отстоять свои права, получить реальный шанс на лучшую долю, обрести “живую” веру в право.

Именно об этом — новая книга проф. В.Д. Зорькина, и именно этим глубоким поиском истины она особенно ценна!

²⁸ Зорькин В.Д. Проблемы конституционно-правового развития России (К 20-летию Конституции Российской Федерации) // Современный конституционализм: вызовы и перспективы. Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2013 г.) / Отв. ред. В.Д. Зорькин. М., 2014. С. 6–8.

²⁹ Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России. С. 69.

³⁰ Там же. С. 74, 75.